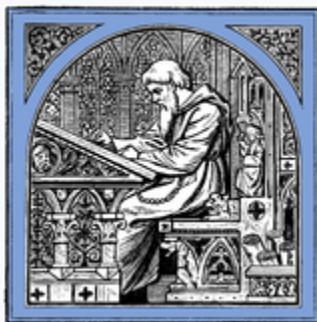

Латинский язык

Энциклопедический словарь

Брокгауза и Ефрона

Экспортировано из Википедии 24 июля 2024 г.

Латинский язык — вначале был лишь языком небольшой ветви италийского племени, еще в доисторическое время занявшей часть Средней Италии за Тибром, известную потом под именем Лациума. Принадлежит к семье языков индоевропейских, он был одним из наречий общего италийского языка. Умбрский язык на СВ, осский (язык самнитов) на Ю и языки сабелльской ветви на В были его родными братьями, тогда как на С этрусский язык и на СЗ лигурийский были ему совершенно чуждыми. В очень далеком отношении стояли к латинскому также язык южно-италийского народа мессапов и язык северо-италийских венетов, принадлежавшие к группе иллирийских языков. Из всех языков индо-европейской семьи латинский, как и родственные ему италийские наречия, стоял ближе всего к кельтской (галльской) ветви. Принимавшаяся прежде особенная природная близость Л. языка к греческому, долгое время очень распространенному в Южной Италии, не оправдывается строгими филологическими данными; несмотря на относительно большую близость между Л. языком и эолийским диалектом греческого, теперь трудно говорить о существовавшем когда-то греко-италийском единстве. Языки италийцев и греков слишком глубоко расходятся в важнейшей части своей формации — в глагольной флексии, в которой, напротив, Л. и родственные ему италийские языки обнаруживают несомненную связь с кельтскими

наречиями (обладающими, между прочим, и супином); много общего они имеют и в составе, особенно в названиях предметов домашнего обихода. В среде наречий собственно италийского племени Л. язык стоял ближе к наиболее развитому из них и также получившему литературную обработку, осскому, чем к умбурскому и сабелльским; все эти наречия стояли ближе друг к другу, чем к Л. Самое близкое родство у Л. яз. было с фалисским наречием, которое правильнее было бы считать поднаречием или говором Л. языка, хотя говоривший на этом наречии небольшой народ, живший в юго-вост. углу Этрурии и ближайшим образом родственный латинянам, не принадлежал Лациуму. Особые говоры, представлявшие разновидности Л. языка, были и в самом Лациуме, как это доказывают пренестинские надписи с одной стороны и некоторые свидетельства древних (о говорах пренестинском и ланувинском) — с другой. Л. язык, каким он является потом в литературной обработке, есть собственно язык г. Рима, конечно принимавший в себя и перерабатывавший разносторонние влияния. См. новейшие труды в этой области: Фр. Штольца, «Historische Grammatik der lateinischen Sprache» (I. 1, Лпц., 1894) и Роберта Планты, «Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte» (Страсбург, 1892).

Внешняя история латинского языка. Долгое время не выходя из пределов небольшой области своего племени, Л. язык стал переступать границы Лациума по мере

того, как шли римские завоевания сначала в Италии, а потом и за ее пределами. К концу пятого столетия гор. Рима (в половине III века до Р. Х.) он делается официальным языком средней и южной Италии, в шестом столетии переходит и в Северную Италию, а также на о-ва Сицилию, Сардинию и Корсику и даже в Испанию, в седьмом проникает в Африку, в южн. Галлию, в Иллирию, а после завоевания Цезарем всей страны между Рейном и океаном — и в остальную Галлию. Во время империи Л. язык приобрел всемирное значение. Везде в зап. половине Европы и Африки он является не только языком официальным, но и языком культуры и органом литературного творчества. Итальянские языки окончательно уступают ему место после того, как вслед за окончанием союзнической войны (88 до Р. Х.) было даровано право римского гражданства всем итальянским союзникам. С тех пор как Л. язык сделался языком всего Апеннинского полуо-ва, распространение его за пределами Италии, путем колонизации и торговли, необходимо должно было пойти еще быстрее. Правда, он не мог победить культурного значения греческого языка не только в самой Греции с Македонией, но и на азиатском Востоке, где даже официальные документы обыкновенно сопровождались греческим переводом; зато он занял прочное положение в бывших владениях Карфагена и соседних с ним западных областях северной Африки. О развитии здесь Л. письменности свидетельствуют более 20000 сохранившихся надписей, а также литература,

развившаяся как ни в одной римской провинции, не исключая Галлии. См. Budinszky, «Die Ausbreitung der lateinischen Sprache über Italien und die Provinzen des Römischen Reichs» (Берл. 1881).

Внутренняя история Л. языка. Когда Л. язык выделился из родственной семьи италийских наречий — мы не знаем. Для нас история Л. языка начинается с того момента, от которого дошли до нас первые письменные памятники. Теперь, когда найдены надписи гораздо большей древности и даже буквы на туфовых глыбах стен Сервия Туллия, не подлежит никакому сомнению, что римская письменность существовала еще в царский период. Эд. Мейер, в своей «Geschichte des Alterthums» (Штуттгарт, 1893, II, p. 530), находит необходимым — и вполне основательно — отнести происхождение этой письменности по крайней мере к началу VII ст. до Р. Х. Некоторые памятники языка этой эпохи дошли до нас лишь в позднейшей и искаженной передаче (таковы гимн братьев Арвальских, дошедший в надписи III ст. по Р. Х., и отрывки гимна жрецов Салиев, переданные писателями), и потому не могут служить непосредственными свидетелями состояния языка отдаленнейшего времени. Такими свидетелями являются две, писанные от правой руки к левой, надписи, которые были найдены в восьмидесятых годах и древнейшую из которых относят к VI ст. до Р. Х., а другую — к V-му. Как мало похож был язык времени царей и первых двух столетий

республики на тот язык, который изучают теперь в школах, т. е. на язык классических писателей — эти надписи показывают весьма наглядно. Надпись на пренестинской фибуле, древнейшем памятнике Л. письменности, гласит: «Manios med vhevhaked Numasioi» («Маний сделал меня для Нумазия»). Другая надпись, известная под именем «Duenos», найденная нацарапанной на глиняном сосуде, читается ее первым издателем так: «Jove sat de i vos qoi med mitat, nei ted endo cosmis virco sied asted, noisi Ope Toitesiae pacari vois. Duenos me feced en manom einom dhe poine med ma(n)o statod». И чтение, и понимание этой надписи представляют большие трудности; и в том, и в другом филологи расходятся самым решительным образом. Гораздо яснее для нас язык надписей III в. до Р. Х., хотя он все еще сохраняет архаический характер. Вот, напр., начало древнейшей надгробной надписи Сципионов: «Nonc oino ploirume cosentiout R(omai): duonoro optumo fuise viro». Совсем ясен язык надгробной надписи другого Сципиона: «Cornelius Lucius Scipio Barbatus, Gnaivod patre prognatus, fortis vir sapiensque, quojus forma virtutei parisuma fuit» и т. д. С этими двумя надписями мы входим уже в период литературного развития, хотя еще далекого (почти на 200 лет) от классического. Приведенные образцы, взятые на расстоянии по крайней мере трех столетий, могут дать понятие о тех стадиях, какие проходил Л. язык от времени царей до образования римской литературы. Возможно, однако, указать главные черты языка

архаического периода. В *фонетике* он изобиловал дифтонгами, от которых с началом литературного времени все более и более стремился избавиться. Были дифтонги *ai, oi, ou, ei*: *Aimilius, Caici, cailavit, coiravit, foideratei, Numasioi, abdoucit, Loucina, plous, sei, deivos, ubei*. Замечается употребление *e* вместо позднейшего *i*: *dedet, Menerva, mereto*; *o* вместо *u*: *honc, donom, Venos*; *u* вместо *i* (заменившего звук, равный греч. *υ* или франц. *u*): *facilumed, aurufex, optumo*. В *склонении* основ на *a* (1-е скл.) — род. на *as*: *Coiras, Latonas*; дат. на *ai*: *Menervai, Loucinai*, а также на *a*: *Erana, Matuta*; твор. на *ad*: *praidad, sententiad*. В *склонении* основ на *o* (2-е скл.) — имен. на *os* и *om*: *Manios, filios, donom, pocolom*, и на *o*: *Fourio, Turpleio, dono, pocolo*; дат. на *oi*: *Numasioi*; твор. на *od*: *Gnaivod*; им. мн. на *eis, es, is* — *leibereis, coques, magistris*, и на *oe* (*poploe*) и *e* (*plourume*). В *склонении* основ на *u* (4-е скл.) — род. на *uos*: *senatuos*; твор. на *ud*: *magistratud*. В *склонении* основ на *e* (5-е скл.) — род. на *es*: *dies*. В *склонении* основ на согласную (3-е скл.) — род. на *us*: *Cererus*; и *es*: *salutes*; тв. на *id*: *airid*. Употребление суффикса *d* в винител. пад. личных местоимений: *med, ted, sed*. В *глагольной* флексии замечается бóльшая полнота форм: *siem* (вм. *sim*), *potisit* (вм. *possit*), *nequinont* (вм. *nequiunt*), *danunt* (вм. *dant*), *posivit* (вм. *posuit*); употребление *fut. exact*, на *so, sso* и *хо*: *capso, amasso, faxo*; *fut. simpl.* на *bo* во всех спряжениях: *dicebo, esuribo*. Архаический период, в течение которого Л. язык обнаруживал наиболее близости к родственным

ему языкам италийским, продолжался более пяти столетий и стал быстро проходить с того времени, как в Риме возникла литература, под влиянием изучения греческих образцов, и самый язык стал обрабатываться по теоретическим основаниям. Обыкновенно архаический период доводят до Цицероновского времени, т. е. до так назыв. золотого века римской литературы; но это не совсем верно. Между архаическим и классическим временем всегда бывает период промежуточный, когда происходит переход от грубых необработанных форм языка или литературы к формам вполне обработанным и законченным, составляющим характер классической эпохи. Уже с половины III до Р. Х., когда Л. язык стал подвергаться правильной литературной обработке, различие его от архаического языка типа древнейших надписей становилось все больше и больше. Особенно важно было для установления новых форм языка введение Эннием в Л. поэзию гекзаметра (около 200 лет до Р. Х.), употребление которого вытеснило правила латинской просодии, определив долготу и краткость в слогах и обозначив долготу по положению посредством удвоения согласных (*ille* вм. *ile*, *esse* вм. *ese*). Тогда же стали отпадать древние формы, неудобные для размера (напр. *posivī* уступило место *posui*). Литературное движение, коснувшееся, главным образом, драматической поэзии (Плавт и Теренций в комедии, Пакувий и Энний в трагедии), но отчасти и эпической и дидактической (Энний), а также образование

литературной прозы (Катон), обогатило язык новыми словами и установило его литературные свойства. Через сто лет после начала литературы, Л. язык уже настолько выработался для литературного употребления, что в речах Гая Гракха мог представить образцы высшего красноречия, пользовавшегося всеми риторическими средствами для произведения желаемого действия на слушателей. Рядом с литературной обработкой языка шла и грамматическая теория. Сатирик Луцилий и трагик Акций (Аттий) спорят о литературно-грамматических вопросах; Акцию принадлежит обозначение долготы гласных посредством их удвоения (напр. terraа в тв. пад.), державшегося до эпохи Цицерона и Цезаря. С наступлением этой эпохи, подготовленной не только полуторастолетним развитием поэтической литературы, но и целым рядом ораторов и историков (анналистов и мемуаристов), Л. язык приобрел ту стилистическую законченность, которая, заключаясь в полноте, ясности и изяществе выражения, в стройном расположении частей предложения и в закругленности периода, поставила Л. язык на высоту языка в полном смысле слова классического. Эта законченность формы в поэтическом языке была достигнута лишь в следующем периоде литературы, в век Августа, в произведениях Вергилия, Горация, Тибулла, Проперция и виртуоза поэтического выражения, Овидия. В этот период были окончательно разработаны не только все виды размеров, к каким только был способен Л. язык, но и доведены до

легкости употребления, которая обличала собой высшую точку развития стихотворного выражения. На эту-то эпоху, начинающуюся в середине I в. до Р. Х. и оканчивающуюся во втором десятилетии по Р. Х., падает и полная теоретическая разработка Л. языка, главным образом под пером Варрона Реатинского, разработавшего язык со стороны грамматической, и Веррия Флакка — со стороны лексической. В первый век нашей эры, который, в противоположность золотому веку Цицерона и Августа, назван серебряным и продолжался до двадцатых годов II в., Л. язык у лучших писателей отличался блеском формы, но так как этот блеск не вполне соответствовал содержанию, под влиянием политических обстоятельств значительно суженному и стесненному, то в языке стал все больше и больше преобладать риторический колорит; не только в прозе, но и в поэзии, и это указывало на падение языка, хотя оно и не было заметно, пока существовали еще такие писатели, как Сенека, Квинтилиан, Тацит и отчасти Плиний Младший — в прозе, Лукан, Стаций, Марциал и Ювенал — в поэзии. С половины II века по Р. Х., когда главным представителем литературы в Риме является африканец Фронтон и начинает преобладать антикварное направление литературы, питавшее пристрастие к языку до-цицероновского времени, падение языка пошло вперед быстрыми шагами. В произведениях наиболее талантливых писателей, как Апулей, Л. язык был полон африканского колорита (*tumor Africus*), с его напыщенностью и плеоназмами. С

этого времени не только строй, но и состав языка изменяется все более и более под напором варваров, вторгающихся в общественную жизнь и в литературу. За африканцами начинают давать тон литературе, а с ней и языку, галлы, у которых в Марсели, Лионе, Бордо, Тулузе долго продолжали процветать риторские школы, давно пришедшие в упадок в Риме. Появившиеся еще в III в. христианские писатели, в IV в. уже начинающие играть выдающуюся роль в литературе, независимо от их провинциального происхождения и образования, вносят в Л. язык, вместе с новыми идеями, и новое словоупотребление. Падая стилистически, утрачивая чистоту состава, Л. язык, под влиянием все более и более одолевавшей его варваризации стал терять просодическую и этимологическую правильность. Его разложение, не останавливаемое деятельной литературной жизнью, дало, мало-помалу, преобладание вульгарным элементам и народным стихиям и таким образом привело к образованию новых языков, известных под именем романских: итальянского, французского, испанского, португальского, румынского, с их наречиями и местными говорами. Как язык школы, церкви и науки, Л. язык не прекратил своего существования и тогда, когда, в VI ст. по Р. Х., замолкла всякая литературная жизнь на Западе, а продолжал его, в качестве плохого книжного языка, во все время средних веков. С эпохой Возрождения, в XV столетии, началась для него новая жизнь. Изучаемый по лучшим образцам древности, он

делается органом науки и школы во всех странах Запада, и это продолжается до тех пор, пока у западных народов не развились собственные литературы и не окрепли национальные языки, настолько, чтобы служить органами не только литературы, но и науки. В XVII ст. роль Л. языка, как органа науки и преподавания, уже сильно пошатнулась и шла затем постоянно на убыль, хотя по отношению к некоторым наукам (филологическим, медицинским, естественноисторическим, богословским) не прекратилась вполне и в настоящее время. Об изучении и роли Л. языка в новое время см. [Древние языки](#) и [Классицизм](#).

Произношение латинского языка. Наше русское произношение латинского языка, как и произношение других народов, чрезвычайно разнится от древнего. Прежде всего важно то, что мы в произношении гласных и вообще слогов не обращаем внимания на их долготу и краткость (*quantitas*, количество), особенно в прозе, и если соблюдаем эту особенность древних языков в чтении стихов, то весьма несовершенно, стараясь больше о соблюдении метрического ударения, чем музыкального отношения между отдельными частями стиха. Затем многие звуки, а именно согласные, мы выговариваем совсем не так, как их произносили древние. Не говоря уже о дикции, которая у каждого народа различна, мы придаем разным Л. буквам не то значение, какое они имели у древних. Произношение

тех или других букв, какое усвоено русскими, перешло к нам в XVII ст., через польские школы, из Германии, а впоследствии и прямо вводилось среди нас немецкими профессорами и учителями, преподававшими в наших университетах и гимназиях и успевавшими нередко прививать нам даже специальные особенности немецкого выговора (напр. *sum-зум*, *вм. сум*). Следуя немцам, мы привыкли произносить с перед мягкими гласными как русское *ц*; итальянцы произносят его как русское *ч*, французы, испанцы, англичане — как русское *с*, между тем как римляне несомненно произносили его как *к* (Кикеро-*Cicero*). На это прямо указывают и надписи, и греческая транскрипция, хотя следует заметить, что было время (до конца V-го ст. Рима), когда *с* было знаком, заменявшим и последующее *g*. Несомненно также, что римляне до позднейших времен не смягчали *t* в *ц* перед *i* со следующей гласной, а говорили, напр., лэтитиа (*laetitia*), Горатиус (*Horatius*). Есть много других неправильностей, не кажущихся нам грубыми только потому, что они недостаточно известны даже большей части филологов: сюда относится, напр., произношение *s* между двумя гласными как *з*, произношение придыхания *h* как малороссийского *г*, произношение *u* как русского *у* в словах (*maximus*, *optimus*, *recuperare*), где оно представляет собой звук средний между *i* и *u* (французское *u*, но не русское *ю*) и т. п. Само собой разумеется, что вполне правильное Л. произношение для нас недостижимо, хотя в последнее время филологами и делаются усилия восстановить его

по возможности и в школе. Произношение в Л. языке и в древности не было одинаковым во все времена и во всех местах, как это свойственно и другим языкам. Одно дело — произношение народное, другое — произношение людей образованных. В народном произношении, как видно из надписей и из Плавта, конечные согласные, как *s*, *m* и даже *t* пропадали, слоги сокращались, сливались, тогда как на произношение людей образованных обнаруживал несомненное влияние язык письменный, в котором звуки фиксировались и получала свое значение теория: *sermo urbanus* с одной стороны и *sermo plebejus, rusticus, vulgaris* — с другой, различались и самими древними писателями. *Urbanitas* языка людей образованных состояла не только в выборе слов и выражений, но и в произношении, и в сопровождавшей его жестикуляции, во всей *façon de parler*, какая у греков называлась аттицизмом и заключала в себе особенный, афинянам свойственный вкус. Так определяет *urbanitas* Квинтилиан (VI, 3, 107), который, впрочем, отличал этот светский язык от языка обиходного самих людей образованных — *sermo cotidianus*, каким говорят с друзьями, женами, детьми, рабами (XII, 10, 40). Разница между *sermo urbanus* и *sermo cotidianus* могла быть только в выборе выражений и тоне речи, а не в звуковом произношении. С другой стороны и письменный язык не всегда выражал собой звуковое произношение так, как оно было в действительности. Этого нет ни в одном языке; никакой алфавит не в состоянии передать с

точностью живых звуков. Отсюда вся трудность воскресить произношение языка угасшего, хотя бы в одном его периоде, напр. классическом. Между тем, это произношение подвергалось постоянно видоизменениям. Так напр., надписи архаического периода показывают, что *o* в окончаниях склонений и спряжений мало-помалу переходило в *u* (*filios; consentiont*, вм. *filius, consentiunt*), *e* — в *i* (*fuet, dedet*, вм. *fuit, dedit*). В последние столетия жизни Л. языка наблюдается утрата чутья в произношении дифтонгов, переходящих в простые гласные (*e* вм. *ae*, как и *ae* вм. *e*, *o* вм. *au*), совершенное исчезновение из произношения придыхательного знака *h*, смешение *b* и *v* (*bixit* вм. *vivit*, *juvente* вм. *jubente*), смягчение *t* в *ц* перед *i* с другой гласной, утрату окончаний *m* и *s*, что было, впрочем, и всегда свойственно народному выговору, и т. п. Произношение Л. языка изменялось и по местам, сообразно особенностям, образовавшимся в населении от употребления природных наречий: *latinatas et regionibus mutatur et tempore*, говорит Киприан (*Epist.*, 25). Эти местные особенности Л. произношения не могли не сказаться в образовании фонетики новых языков, продолжающих жизнь Л. языка до настоящего времени. — Главное сочинение о произношении Л. языка — Seelmann, «Die Aussprache des Latein nach physiologisch-historischen Grundsätzen» (Гейлбронн, 1885); раньше вопрос этот разрабатывался Корсеном в его «Ueber Aussprache, Vokalismus und Betonung der lat. Sprache» (Лпц. 1858; 2-е изд. 1868—1870). На русском

языке — Петр, «К вопросу о латинской орфоэпии»
(Киев, 1890).

В. Модестов.

Об этом электронном издании

Эта книга из [Викитеки](#)^[1] — цифровой библиотеки, созданной добровольцами и включающей издания всех типов: прозы, стихов, журналов, писем...

Книги библиотеки доступны бесплатно. В библиотеку включаются издания, находящиеся в народном достоянии, а также опубликованные со свободной лицензией. Вы вправе использовать эту электронную книгу в любых целях (включая коммерческую) при условии соблюдения лицензии [CC BY-SA 4.0](#)^[2] или [GNU FDL](#)^[3] на ваш выбор.

Викитека приветствует новых участников. При создании этой книги мы могли сделать ошибки. Вы можете сообщить о них на [этой странице](#)^[4].

Следующие участники внесли вклад в редакцию этой книги:

- Schekinov Alexey Victorovich
- Marimarina
- Badger M.
- Vlsergey
- Monedula

---

1. ↑ <http://wikisource.org>
2. ↑ <http://www.creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0>
3. ↑ <http://www.gnu.org/copyleft/fdl.html>
4. ↑ <https://ru.wikisource.org/wiki/Викитека:Форум>